

УДК 316.323

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-203-214

ФОРМАЦИОННЫЙ СИНТЕЗ. ВОЗВРАЩАЯСЬ К СТАРОЙ ПРОБЛЕМЕ

Корякин Вячеслав Владимирович

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Ключевой проблемой общественного развития является единство и многообразие его стадияльных переходов. В марксистской литературе второй половины XX в. данный вопрос пытались решить в рамках концепции феодального синтеза. Конкретное воплощение данной концепции было реализовано в медиевистике в концепции феодального синтеза. Однако исторический материализм во многом тяготел к абстрактно-всеобщему диалектическому плану анализа исторической действительности, при котором описание и объяснение общего в развитии сопровождалось умалением внимания к конкретному многообразию особенного в ней. Злоупотребление абстрактно-всеобщей теорией породило ряд существенных трудностей при конкретном анализе исторического процесса, в том числе трудностей при анализе конкретных переходов к новой формации. Примечательным стал тот факт, что многообразие этапов общественного развития в целом описывалось в ущерб многообразию отдельных обществ, и наоборот. Вместе с тем в советском марксизме были сделаны эмпирические и концептуальные обобщения, позволяющие перейти на уровень конкретно-всеобщего диалектического анализа исторического процесса. В частности, возникла возможность описания формационного перехода как процесса взаимного превращения способов производства обществ, находящихся на разных этапах развития, что, в свою очередь, позволяло раскрыть единство стадияльного и синхронного многообразия исторической действительности.

Ключевые слова: исторический процесс, общественно-экономическая формация, формационный синтез, исторический закон, единство и многообразие истории, центр и периферия.

FORMATION SYNTHESIS. REVISITING THE OLD PROBLEM

Vyacheslav V. Koryakin

Perm State University

The key problem of social development is the unity and diversity of its staged transitions. Marxist literature of the second half of the 20th century tried to solve this issue within the framework of the formation synthesis concept. A concrete embodiment of this concept was implemented in medieval studies within the feudal synthesis concept. However, historical materialism largely gravitated to the abstract universal dialectic plan of historical reality analysis in which the description and explanation of the general in development was accompanied by a diminution of attention to the specific variety of the special in it. The excessive use of abstract-universal theory created a number of significant difficulties in the concrete analysis of the historical process, including difficulties in the analysis of specific transitions to a new formation. It is noteworthy that the variety of social development stages as a whole was described to the detriment of the diversity of individual societies, and vice versa. At the same time, empirical and conceptual generalizations were made in Soviet Marxism, which made it possible to go to the level of a concrete universal dialectic analysis of the historical process. In particular, it became possible to describe the formation transition as a process of the mutual transformation of the production methods of societies at different stages of development, which in turn made it possible to reveal the unity of the staged and synchronous diversity of historical reality.

Keywords: historical process, socio-economic formation, formation synthesis, historical law, unity and diversity of history, center and periphery.

Одной из традиционных, но не теряющей актуальности проблем социальной теории в целом, социальной философии в частности остается вопрос о стадийном переходе в общественном развитии. Для современной науки, как представляется, ключевой трудностью является описание и объяснение единства стадийного перехода вообще (в движении общечеловеческой истории) и всего многообразия особенных стадийных переходов в развитии отдельных обществ.

Для классической философии приоритетной была задача описания общего хода человеческой истории, общего в развитии отдельных обществ. Вольтер, А. Тюрго, Ж.А. Кондорсе рассматривали социальный процесс как прогрессивное движение от невежества к просвещению, по которому следует как человечество в целом, так и каждое общество в отдельности. Впрочем, классики признавали своеобразие развития отдельных народов, но в теории к нему относились по-разному. Большинство отождествляло общее и особенное в истории, полагая отличия в развитии непринципиальными. Д.Б. Вико, напротив, попробовал учесть многообразие отдельных народов в развитии, но, в сущности, механически совместил их циклическое движение с общим прогрессивным ходом истории человечества. Г. Гегель, будучи диалектиком, первым попытался раскрыть единство общего и особенного в социальном развитии, но акцентировал внимание лишь на тождестве и различии общего хода истории и движения немногих, так называемых исторических народов. Реальное многообразие истории, представленное «неисторическими» народами и их отношением к народам «историческим», по сути, выдающийся диалектик оставил без внимания.

Неклассическая философия приоритетное внимание уделила анализу конкретного многообразия истории. Единство и поступательный характер общественного развития, общее в нем либо были подвергнуты отрицанию (различные концепции локальных цивилизаций), либо объявлены непознаваемыми (экзистенциализм). Впрочем, в неклассической философии и методологии истории можно отметить течения, которые признавали и учитывали единство и прогресс в общественном развитии, общее в нем,

но тем не менее главную свою задачу видели в анализе особенного — конкретных этапов социального процесса, конкретных обществ, стран и регионов (школа «Анналов»). Неклассическая философия, исторически первой заострив проблему конкретного многообразия социального процесса, существенно продвинула гуманитарную науку, но не дала накопленному ею эмпирическому материалу содержательного определения и объяснения. Главная причина этого крылась в том, что особенное в истории неклассическая наука преимущественно рассматривала как нечто самодостаточное, уникальное, отличное от другого особенного и поэтому невыразимое через это другое, в конечном счете неопределенное.

Исторический материализм уже в период своего формирования выработал общее понимание исторического процесса, его материальных (объективных) сущностных и субстанциальных основ, творчески переработав наследие классической философии, сохранив и переосмыслив ее базовую проблематику. В дальнейшем видение истории в материализме уточнялось и конкретизировалось в тесной полемике как с классической философией, так и с неклассическим ее ответвлением. В общем виде история предстала как единый закономерный объективный поступательный процесс, предполагающий внутреннее многообразие (во многом этому способствовал диалектический характер исторического материализма). Однако вплоть до середины XX в. в марксизме приоритет отдавался анализу общего в истории, ее единству (генетическому и функциональному), ее сущностным основаниям, в результате чего конкретное многообразие общественной жизни преимущественно рассматривалось в связи с этим общим, и порою в этом общем растворялось, т.е. не выступало в качестве относительно самостоятельного предмета исследования. По сути, в советском марксизме абстрактно-всеобщий план анализа исторического процесса, при котором описывается общее в развитии за вычетом многообразия особенного, довлел над конкретно-всеобщим диалектическим планом, предполагающим описание как общего, так и в сжатом обобщенном плане всего многообразия особенного в развитии.

Не случайными в данной связи стали разного рода соображения о том, что формация — это некая абстракция, которая лишь в предельно общем виде охватывает содержание истории, некая идеализация, которая в реальности никогда не существует, а является лишь неким приближением в понимании к социальной действительности. В советском марксизме, например, отчетливо видны симптомы сведения онтологической исторической проблематики к гносеологической, сведения формации как конкретного этапа общественного развития к понятию формации, что неизбежно должно было породить внутренние противоречия отечественного исторического материализма, обострить проблему отношения сознания к бытию и привести к вопросу о степени соответствия теории общественно-экономических формаций социальной действительности. Затруднения особенно проявились в ходе дискуссий конца 40-х – начала 80-х гг. XX в. о периодизации истории, об отношении единства и многообразия в истории, о неравномерности исторического процесса, об отношении базиса и надстройки, о роли природных условий и оснований в социальном развитии, которые шли как в зарубежной, так и в отечественной марксистской науке [Корякин В.В., 2019]. Во второй половине XX в. проблема единства и многообразия истории, которая в качестве квинтэссенции содержала в себе вопрос о единстве стадийальных переходов в развитии человечества в целом и каждого общества в отдельности, стала для марксизма проблемой выживания, творческого обновления и дальнейшего развития.

Наиболее полезными в плане концептуального углубления материалистической теории развития и решения проблемы стадийального перехода нам представляются исследования взаимодействия обществ, находящихся на разных этапах формационного развития. Важным творческим результатом данных исследований стало формирование концепции формационного синтеза.

Отправным пунктом анализа взаимодействия обществ стало положение о неравномерности исторического развития. Первым на неравномерность общественного развития как на исторический закон указал еще В.И. Ленин, исследуя состояние капитализма [Ленин В.И., 1969, с. 353–354]. В середине XX в. историче-

ская наука эмпирически доказала наличие неравномерности в развитии на всех этапах социального процесса. По мнению ряда авторов, такая неравномерность в развитии отдельных обществ существовала уже с периода позднего палеолита, четко проявившись с переходом от присваивающего первобытного хозяйства к производящему [Елисеева С.А., 1969, с. 106; Фархiev Р.Д., 1978, с. 62–63; Массон В.М., 1983, с. 8, 10–11].

Неравномерность исторического развития стала рассматриваться как основание, причина и одновременно следствие взаимодействия отдельных обществ. Большинство авторов, занимавшихся исследованием связей между обществами, пришли к выводу, что это взаимодействие играет существенную роль в формировании специфики каждого из обществ, но не является определяющим фактором становления их специфики. Исследуя соотношение внешних и внутренних факторов развития, отечественные авторы встали на диалектические позиции, полагая, что внутренние факторы в их единстве с внешними являются ведущими [Глезерман Г.Е., 1978, с. 18; Барг М.А., 1970, с. 266, 271–281, 1984, с. 132; Жуков Е.М., 1978, с. 39–40; Вильчек В., 1993, с. 181–182]. Внешним воздействиям со ссылкой на выводы Ф. Энгельса [Энгельс Ф., 1965, с. 417] была отведена роль стимулирующего или тормозящего внутреннее развитие отдельного общества фактора [Елисеева С.А., 1969, с. 111; Жуков Е.М., 1975, с. 14–15, 1978, с. 39–40]. В частности, взаимодействием обществ многие авторы попытались объяснить зафиксированный исторической наукой феномен перескакивания отдельными странами через отдельные формации или внутриформационные ступени в своем развитии. Однако подобные прорывы в развитии отдельных стран, по мнению отечественных методологов, могли осуществиться лишь в том случае, если отстающее общество имело к тому предпосылки, а передовое воздействующее на него общество изжило в себе старое социальное устройство [Елисеева С.А., 1969, с. 106–107; Фархiev Р.Д., 1978; Глезерман Г.Е., 1978, с. 18].

Анализ отношений между обществами стимулировал начавшиеся в отечественной науке в середине XX в. исследования в области типологии исторического развития. Метод типологии предполагает существенный момент

конкретно-всеобщего диалектического понимания действительности, поскольку в некотором приближении фиксирует общее и особенное в сопоставляемых объектах, однако в целом он всегда произведен от общей философской методологии и является ее конкретизацией. Типологические исследования в отечественной исторической науке второй половины XX в. демонстрируют их явную зависимость от абстрактно-всеобщего видения социальной действительности. Формация, на основе представления о которой выстраивалась типология общественного развития, была понята предельно общо. По большому счету все многообразие сторон формации как этапа общественного развития оказалось сведено лишь к общему в ней.

Стремясь выяснить, как общее в развитии всех стран проявляется в каждом из обществ, одни отечественные методологи истории пришли к выводу, что лишь немногие страны обладают типическими чертами определенной формации, другие авторы оказались склонны полагать, что в «чистом» виде ни одна формация не реализуется в конкретном обществе [Барг М.А., 1970, с. 261, 1984, с. 57; Барг М.А. Черняк Е.Б., 1979; Жуков Е.М., 1975, с. 13; Жуков Е.М., 1979, с. 34, 36; Поршнев Б.Ф., 1975, с. 30–31]. Одновременно было обнаружено, что новая формация первоначально складывается в локальном очаге, отдельной стране или группе стран [Глезерман Г.Е., 1978; Фархив Р.Д., 1978, с. 62–63; Жуков Е.М., 1979, с. 36]. Данный феномен был определен близкими по смыслу понятиями «формационный центр», «передовое общество», «центр истории». В отношении к обществам — формационным центрам остальные общества были определены как «формационная периферия», или «периферия формации». Было установлено, что периферия формации во многом развивается под действием формационного центра [Поршнев Б.Ф., 1975, с. 30–31; Фархив Р.Д., 1978, с. 62–63; Барг М.А. Черняк Е.Б., 1979, с. 130; Илюшечкин В.П., 1987, с. 38; Ершов Ю.Г., 1990, с. 61, 69–70; Марксистско-ленинская теория..., 1981, с. 72–73; Семенов Ю.И., 1978, с. 71–82]. Анализ взаимоотношений центра и периферии в отечественной исторической науке получил широкое эмпирическое обоснование на примере древней и средневековой истории [Перво-

бытная периферия..., 1978; Васильев Л.С., 1968; Козлова М.Г. и др., 1968].

Существенные эмпирические данные, обнаруженные при исследовании взаимодействия отдельных обществ, их частные обобщения выявили особый план проблемы конкретно-всеобщего в общественном развитии. Отчетливо обозначилась проблема соотношения всемирно- и локально-исторического процессов. Одним из первых на проблему данного соотношения обратил внимание Б.Ф. Поршнев, особо отметив, что она является ключевой для анализа перехода к новой формации [Поршнев Б.Ф., 1975, с. 27]. Наверное, одной из самых продуктивных попыток решения проблемы соотношения всемирной истории (развития человечества в целом) и локального исторического процесса (развития отдельных обществ) в отечественной и зарубежной материалистической методологии истории стала концепция так называемого формационного синтеза.

Наметки данной концепции были сформулированы еще К. Марксом при анализе отношений между обществами в период войн. Согласно родоначальнику материалистического понимания истории, при любых завоеваниях возможен тройкий исход: общество завоевателей в отношении к побежденному обществу может навязать свой способ производства, общество завоевателей может сохранить способ производства побежденного общества и ограничиться взимаемой с него данью, в результате завоевания может произойти синтез способов производства обоих участвующих в конфликте обществ, что, например, проявилось в период германского завоевания Рима [Из рукописного наследия К. Маркса, 1958, с. 723–724].

В отечественной методологии истории концепция формационного синтеза была раскрыта в основном на примере генезиса феодализма, т.е. в форме концепции феодального синтеза. Положение о феодальном синтезе встречается в работах Ф. Энгельса, в середине XX в. это положение прокомментировал Е.А. Косминский, в 1964 г. более подробный комментарий к нему дал Б.Ф. Поршнев [Поршнев Б.Ф., 1975, с. 27]. При этом Б.Ф. Поршнев, в частности, был склонен видеть в формационном синтезе закономерность, реализующуюся при переходе к любой формации в любом регионе Земли [Порш-

нев Б.Ф., 1975, с. 39; Новосельцев А.П. и др., 1972, с. 93; Фархiev Р.Д., 1978; Барг М.А. Черняк Е.Б., 1975, с. 65]. Первое крупное обсуждение проблемы феодального синтеза на примере европейской истории состоялось в 1966 г. на научной сессии «Итоги и задачи изучения генезиса феодализма в Западной Европе» [Итоги и задачи изучения..., 1966, с. 9–45], второе — в 1970 г. в Москве на XIII Международном конгрессе историков [Гутнова Е.В., Удальцова З.В., 1975, с. 114], после чего как в отечественной, так и в зарубежной марксистской медиевистике данный подход к изучению раннефеодального западного общества основательно утвердился. Одно из крупных академических изданий «История Европы» свидетельствует о том, что актуальность концепции феодального синтеза сохранялась для отечественной медиевистики вплоть до конца ее советского периода [История Европы, 1992]. Главными разработчиками этой концепции стали А.Д. Люблинская [Люблинская А.Д., 1968], Е.В. Гутнова, З.В. Удальцова [Гутнова Е.В., Удальцова З.В., 1975; Удальцова З.В., 1975, 1983], В.Д. Королук [Королук В.Д., 1975]. А.Р. Корсунский в соавторстве с Р. Гюнтером выдержал в рамках данной концепции свою последнюю монографию, посвященную эпохе варварских вторжений и королевств [Корсунский А.Р., Гюнтер Р., 1984].

Согласно концепции феодального синтеза, в ходе варварских вторжений в Римскую империю произошел синтез разлагавшихся позднеантичных рабовладельческих и первобытных германских общественных структур, приведший к возникновению феодализма. В тех регионах, где соотношение позднепервобытных и позднеантичных элементов было оптимальным, феодализм утвердился раньше других стран и в наиболее полном, «типическом», классическом виде (Франкское королевство, VI–VIII вв.). В регионах, где превалировал античный элемент (Италия, Византия, Испания, Южная Франция), процесс феодализации шел медленнее и обнаруживал нетипичные черты, сохраняя множество унаследованных от рабовладельческого общества структур. В странах, где элементы античности были незначительными, подавленными варварским первобытным началом или таковых не было вовсе (так называемый бессинтезный путь развития), феодальный способ производства утвердился позже, чем в остальных

регионах, и также приобрел нетипичные черты, обнаруживая многие элементы первобытности (Центральная, Северная и Восточная Европа).

Положение о бессинтезном пути становления и развития феодализма, продиктованное эмпирическими данными, не позволяет с уверенностью сделать вывод о феодальном синтезе, шире — о формационном синтезе как закономерности перехода к новой формации, на чем настаивали многие авторы концепции. Формационный синтез в таком плане выглядит в лучшем случае как дополнительный механизм развития, стимулирующий становление нового способа производства в отдельных странах и определяющий в какой-то мере специфику его проявления. Согласно авторам концепции, формационный (в частности, феодальный) синтез не порождает нового способа производства, поскольку к синтезу оказываются способны лишь те общества, в которых предпосылки перехода к новому способу производства уже вызрели. Наличие синтеза, либо его отсутствие, обеспечивает лишь темпы развития одного и того же способа производства в отдельных странах, разницу количественного отношения одних и тех же элементов разных способов производства в них.

Главной чертой абстрактно-всеобщей теории является то, что она различает общее и особенное в их единстве, но не различает по существу особенное между собой. Особенное в рамках этой теории понимается абстрактно, как особенное вообще, тождественное другому особенному. В концепции феодального синтеза данный характер абстрактно-всеобщей диалектики отчетливо виден. Идея о том, что феодализм может вызревать при разложении как рабовладения, так и первобытности, содержит в себе «след» способов производства, из которых он непосредственно возник, механически сочетает эти «следы» при взаимодействии обществ разного феодального генезиса, имплицитно игнорирует содержательное различие формаций, каким бы парадоксальным это ни казалось.

Первобытность, рабовладение и феодализм — это последовательно сменяющие друг друга формации. Данная последовательность — основание единства и содержательного различия исторических форм общества. Формации как особенное различаются по степени сложно-

сти, как простое и сложное, низшее и высшее. Полагая, что феодализм может возникнуть на основе первобытности, авторы концепции феодального синтеза, по сути, ослабили идею генетического единства этапов развития, которая является основанием содержательного их различия. В результате первобытность, рабовладение и феодализм были поняты как некие вполне самобытные, замкнутые в себе, а не строго генетически связанные образования, которые лишь в разной пропорции механически (т.е. без взаимного проникновения, взаимного преобразования) сочетаются друг с другом, определяя специфику каждого отдельного нарождающегося феодального общества.

Сведение формационного синтеза к механическому взаимодействию и сочетанию элементов разных способов производства также стало следствием умаления их генетического единства. Авторы концепции не учли, что разные по сложности элементы взаимодействуют различным образом: высшее всегда определяет низшее и влияет на его трансформацию в большей мере, чем низшее на высшее. Стало быть, одним количественным отношением разных элементов содержательную специфику отдельных обществ объяснять недостаточно. Не случайно, у некоторых авторов сложилось впечатление, что механизм формационного синтеза до сих пор еще не раскрыт [Ершов Ю.Г., 1990, с. 105–106].

Общий кризис советского исторического материализма [Корякин В.В., 2019] привел к постепенному угасанию исследовательского интереса к концепции формационного синтеза к концу XX в. Первоначально авторы концепции сменили общетеоретические основания, перейдя с позиций материализма на позиции, по сути, неклассической (по своему содержанию идеалистической) философии. Например, одна из авторов концепции феодального синтеза Е.В. Гутнова стала говорить о синтезе не способов производства, а элементов культуры, все больше акцентируя внимание на духовной культуре [Гутнова Е.В., 1993, 1995]. Но поскольку на неклассических основаниях проблема закономерного поступательного движения общества в принципе не может быть решена, а без нее идея синтеза находящихся на разных уровнях развития обществ лишается всякого смысла, концепция феодального (и форма-

ционного в общем) синтеза в итоге из исторической науки ушла.

Вместе с тем концепция феодального синтеза содержит в себе эмпирические данные и некоторые теоретические обобщения, которые выходят за пределы абстрактно-всеобщего понимания исторического процесса. Наиболее значимой представляется догадка Б.Ф. Поршнева о формационном синтезе как всеобщем законе общественного развития. Впрочем, автор также не заметил, что синтез этот необходимо понимать конкретно-всеобщим образом, учитывая локально-исторические (особенные) различия в нем в единстве с общим его характером. Концепция феодального синтеза также эмпирически зафиксировала, что в процессе формирования феодализма, во всяком случае в странах, первыми вступивших на путь его развития, обнаруживается сочетание античных и первобытных элементов. Крайне важными стали соображения авторов этой концепции о разных, более или менее типических формах феодализма, представленных в отдельных обществах, что удачно согласуется с выводами исторической науки о наличии центра и периферии общественного развития.

Многочисленные эмпирические данные свидетельствуют, что переход к новой формации не имеет фронтального характера: первоначально она складывается в отдельном обществе, причем на периферии предыдущей формации. Некоторые авторы видят в этом определенную закономерность общественного развития [Семенов Ю.И., 1995, 1998; Корякин В.В., 1998, 2008, с. 313–325]. Особенностью периферии является ее многоукладность: наряду с развитыми формами общественной жизни на ней продолжают существовать и развиваться различные архаические формы.

Переход к первобытному обществу с производящим типом хозяйства (неолитическому обществу) ранее всего начался в зоне так называемого Аридного полумесяца в IX–VIII тыс. до н.э., т.е. далеко от центра формирования предыдущего первобытного типа общества с присваивающим хозяйством. В нем обнаруживаются многие нетипичные для предшествующей эпохи черты: специализация в охоте на мелких животных, в собирательстве — на злаковых культурах. Переход к обществу с азиатским способом производства начался первоначально

начально в Южном Двуречье в IV тыс. до н.э. В непосредственно предшествующей Шумерской цивилизации убейдской культуре наряду с неолитическим способом производства существенное значение имел предшествующий тип хозяйства: относительно развитое земледелие и животноводство сочеталось с охотой и собирательством. Переход к рабовладению начался на окраине азиатского мира в VII–VI вв. до н.э. в Греции, которая в предшествующий крито-микенский период представляла собой слабо-развитое общество с азиатским способом производства с существенными элементами первобытности неолитического типа: относительно небольшое дворцово-храмовое хозяйство соседствовало с достаточно независимой племенной общиной. Переход к феодализму начался в Северо-Восточной Галлии в III–IV вв., где римская вилла сосуществовала с полуразложившейся галльской племенной общиной. Наиболее ранние устойчивые формы капитализма стали складываться в Англии (зачатки аграрной революции, проявившиеся в ранних огораживаниях отчетливо прослеживаются здесь с XII в.). Весь средневековый период крупное феодальное баронское поместье находилось в непростых отношениях с хозяйствами мелких рыцарей и зажиточных крестьян и в постоянном противостоянии с общинами. Становление новой формации в локальном очаге предшествующей формации позволяет четко различить так называемые формационный центр и периферию, которые находятся в постоянном диалектическом взаимодействии: относительно совпадают друг с другом, переходят друг в друга и друг друга опосредуют в развитии.

Появление нового типа общества на периферии предыдущего однозначно свидетельствует о том, что многоукладность является необходимым условием образования новой формации, а сама эта формация является своего рода синтезом предшествующих форм жизни общества. Примечательно, что новая формация, возникая в локальных исторических условиях, в конечном итоге полностью разлагает предшествующие уклады, являя себя в типических формах. Напротив, попадая в ходе экспансии на периферию, она вынуждена уживаться с различными архаическими формами общества. В связи с этим можно сделать вывод, что в рамках формационного центра синтез предше-

ствующих способов производства идет по пути их взаимного превращения, а на периферии — возможно, взаимного дополнения и взаимного развития.

В первом случае предшествующие формы общественного развития как самостоятельные исчезают, превращаясь в третью форму, и интегрируются в нее. Например, античные и первобытные формы общежития в Галлии в ходе взаимного проникновения превратились в феодальный способ существования, все, что было положительного наработано в предшествующие эпохи, стало неотъемлемой частью новой формации, составляющей ее сущности. Рабовладельческая вилла эволюционировала в феодальное поместье, а племенная община — в крепостную крестьянскую общину, органически связанную с поместьем.

Во втором случае старые формы общественной жизни сохраняют свою определенность и относительную самостоятельность наряду с появляющимися в ходе экспансии формационного центра новыми формами. Новое и старое оказываются в соотношении, которое не меняет их общей сути, но приводит к их дальнейшему изменению, развитию сообразно друг другу. Усиление новой формы жизни сопровождается повышением вариативности архаических форм. В качестве примера можно привести экспансию феодализма в регионах Европы, расположенных восточнее Эльбы. Феодальное поместье здесь появилось достаточно поздно (по сравнению с Северо-Восточной Францией) и оказалось в окружении свободной племенной общины, с которой весь период Средневековья оно с переменным успехом боролось за средства производства (землю) и рабочую силу. Тотальной феодальной зависимости крестьян, развитого условного землевладения, что было типично для Западной Европы, в странах Центральной, Восточной и Северной Европы никогда не наблюдалось. Ситуация изменилась к концу эпохи феодализма и уже с рождением капиталистической формации, когда поместье, вооружившись всей мощью государства, перешло к масштабному захвату земли и рабочей силы крестьян. Столь радикальных форм крепостничества и одновременно усиленного воспроизводства и консервации крестьянских общин классический феодализм не знал.

Формационный синтез, таким образом, будучи необходимым механизмом (а скорее всего, законом) общественного развития, обнаруживает всеобщий характер (присущ любому обществу и обладает для всех стран общими чертами), но одновременно в нем присутствуют особенные различия. В качестве его особенных форм можно выделить так называемый центр-формационный синтез и колоссальное многообразие форм периферийного синтеза. Многообразные формы периферийного синтеза можно различить по содержательному (качественному) и формальному (количественному) признакам.

Содержательное многообразие обуславливается степенью разрыва в развитии взаимодействующих производительных сил, принадлежащих разным формационным этапам. Чем сильнее историческая дистанция между сложными и архаическими производительными силами взаимодействующих обществ, тем более устойчивыми и менее подверженными изменениям оказываются сложные формы. Напротив, простые формы становятся нестабильными, теряющими свою формационную определенность (вплоть до их полного распада). И наоборот, чем меньше разрыв в историческом развитии между взаимодействующими производительными силами, тем стабильнее и вариативнее в развитии оказываются как сложные, так и простые формы общественной жизни. Капиталистические производительные силы, попав в ходе колонизации, например, в Черную Африку, практически не утратили своей определенности, а вот попавшие в орбиту их влияния первобытные производительные силы быстро трансформировались сообразно капитализму и оказались на грани полного уничтожения. Иной ситуация была с экспансией капитализма на ближайшую феодальную периферию (например, в странах Центральной и Восточной Европы). Здесь капитализм постоянно претерпевал давление со стороны архаических элементов, в связи с чем периоды его прогрессивного движения постоянно чередовались с этапами реакции, отката в развитии. Капитализм на феодальной периферии становился после каждой реакции все более вариативным, «готовым» к различным «вызовам» со стороны архаических структур. Но и феодальные структуры, оказывая сильное сопротивление передовым производительным силам, долгое время не утрачива-

ли своей формационной определенности и тоже многообразно эволюционировали сообразно меняющемуся капитализму, конечно, в итоге разлагаясь и постепенно уступая место новым формам общежития.

В формальном (количественном) плане многообразие периферийного синтеза зависело от численной пропорции взаимодействующих производительных сил, находящихся на разных этапах развития. Чем меньше оказывалось носителей передовых производительных сил на периферии, тем медленнее шел формационный синтез. Чем значительнее в количественном плане были новые производительные силы, тем интенсивнее они трансформировали и вытесняли архаические структуры и элементы.

Качественное и количественное соотношение производительных сил, стоящих на разных формационных ступенях развития, являются сторонами одного и того же процесса синтеза и, видимо, находятся в обратной пропорциональной зависимости. Чем больше разрыв в развитии между взаимодействующими производительными силами, тем меньшее число передовых элементов требуется для устранения архаических элементов, и наоборот.

Список литературы

- Барг М.А.* Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984. 315 с.
- Барг М.А.* Учение об общественно-экономических формациях и конкретный анализ исторического процесса // Очерки методологии познания социальных явлений / под ред. Д.М. Угриновича, О.В. Лармина, А.К. Уледова. М.: Мысль, 1970. С. 249–298.
- Барг М.А. Черняк Е.Б.* Исторические структуры и исторические законы // Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М.: Наука, 1979. 330 с.
- Барг М.А., Черняк Е.Б.* Регион как категория внутренней типологии классово-антагонистических формаций // Проблемы социально-экономических формаций. М.: Наука, 1975. С. 40–77.
- Васильев Л.С.* Социальная структура и динамика древнекитайского общества // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.: Наука, 1968. Кн. 1. С. 455–515.
- Вильчек В.* Прощание с Марксом. М.: Прогресс-Культура, 1993. 224 с.

Глезерман Г.Е. Общественно-экономическая формация — узловая категория исторического материализма // Общественно-экономические формации, проблемы теории. М.: Мысль, 1978. С. 7–33.

Гутнова Е.В. Возможен ли и нужен ли синтез в истории? // Средние века. 1993. Вып. 56. С. 284–289.

Гутнова Е.В. Сословно-представительные собрания средних веков в истории европейской цивилизации // Цивилизации. М.: Наука, 1995. Вып. 3. С. 202–209.

Гутнова Е.В., Удальцова З.В. К вопросу и типологии развитого феодализма в Западной Европе // Проблемы социально-экономических формаций. М.: Наука, 1975. С. 107–123.

Елисеева С.А. К вопросу о возможности выпадения некоторых общественно-экономических формаций в истории отдельных народов // Вопросы исторического материализма и критика некоторых концепций буржуазной социологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. С. 105–113.

Ершов Ю.Г. Человек, социум, история. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 151 с.

Жуков Е.М. Методологические проблемы теории общественно-экономических формаций // Общественно-экономические формации, проблемы теории. М.: Мысль, 1978. С. 34–54.

Жуков Е.М. Некоторые вопросы теории общественно-экономических формаций // Проблемы социально-экономических формаций. М.: Наука, 1975. С. 11–25.

Жуков Е.М. Социологические и исторические законы // Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М.: Наука, 1979. 330 с. С. 11–47.

Из рукописного наследия К. Маркса // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1958. Т. 12. С. 709–738.

Илюшечкин В.П. О законах стадийности и неравномерности общественного развития // Философские науки. 1987. № 3. С. 34–42.

История Европы. Т. 2: Средневековая Европа. М.: Наука, 1992. 808 с.

Итоги и задачи изучения генезиса феодализма в Западной Европе: научная сессия, Москва, 30 мая – 3 июня 1966 г.: тезисы докладов. М., 1966. 30 с.

Козлова М.Г., Седов Л.А., Тюрин В.А. Типы раннеклассовых государств в Юго-Восточной Азии // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.: Наука, 1968. Кн. 1. С. 516–545.

Королюк В.Д. Основные проблемы формирования контактной зоны в Юго-Восточной Европе и бессинтезного региона в Восточной и Центральной Европе // Проблемы социально-экономических формаций. М.: Наука, 1975. С. 158–184.

Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М.: Изд. Моск. ун-та, 1984. 258 с.

Корякин В.В. Деградация советского марксизма на примере философии и методологии истории второй половины XX века // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 1. С. 29–43. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-1-29-43>

Корякин В.В. Закономерности «оптимумов» и «максимумов» в истории // Новые идеи в философии. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. Вып. 7. С. 206–210.

Корякин В.В. Труд и единый закономерный исторический процесс. Пермь, 2008. Ч. 2. 340 с.

Ленин В.И. О лозунге Соединенных Штатов Европы // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1969. Т. 26. С. 351–355.

Люблинская А.Д. Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза // Средние века. 1968. Вып. 31. С. 9–17.

Марксистско-ленинская теория исторического процесса: действительность, материальная основа, первичное и вторичное / под ред. Ю.К. Плетникова, Ю.И. Семенова, Б.Т. Григорьян и др. М.: Наука, 1981. 463 с.

Массон В.М. Ленинские идеи о неравномерности исторического процесса и проблемы истории древнего мира // Методологические и философские проблемы истории. Новосибирск: Наука: Сиб. отделение, 1983. С. 7–15.

Новосельцев А.П., Паушто В.Г., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. М.: Наука, 1972. 338 с.

Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий / под ред.: А.И. Першиц и А.М. Хазанова. М.: Наука, 1978. 301 с.

Поршнев Б.Ф. Роль социальных революций в смене формаций // Проблемы социально-экономических формаций. М.: Наука, 1975. С. 26–40.

Семенов Ю.И. Марксова теория общественно-экономических формаций и современность // Философия и общество. 1998. № 3. С. 190–233.

Ilyushechkin, V.P. (1987). *O zakonakh stadi-al'nosti i neravnomernosti obschestvennogo razvitiya* [About the laws of stadiness and unevenness of social development]. *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences]. No. 3, pp. 34–42.

Istoriya Evropy. T. 2: Srednevekovaya Evropa (1992) [The history of Europe. Vol. 2: Medieval Europe]. Moscow: Nauka Publ., 808 p.

Itogi i zadachi izucheniya genezisa feodalizma v Zapadnoy Evrope: nauchnaya sessiya, Moskva, 30 maya – 3 iyunya 1966 g.: tezisy dokladov (1966) [Results and tasks of studying the genesis of feudalism in Western Europe: Scientific session, Moscow, May 30 – June 3, 1966: abstracts]. Moscow, 30 p.

Korolyuk, V.D. (1975). *Osnovnyye problemy formirovaniya kontaktnoy zony v Yugo-Vostochnoy Evrope i bessinteznogo regiona v Vostochnoy i Tsentral'noy Evrope* [The main problems of the formation of the contact zone in South-Eastern Europe and the synthesis-free region in Eastern and Central Europe]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskikh formatsiy* [Problems of socio-economic formations]. Moscow: Nauka Publ., pp. 158–184.

Korsunskiy, A.R. and Gyunter, R. (1984). *Upadok i gibel' Zapadnoy Rimskoy imperii i vozniknovenie germanskikh korolevstv* [The decline and death of the Western Roman Empire and the emergence of German kingdoms]. Moscow: MSU Publ., 258 p.

Koryakin, V.V. (2019). *Degradatsiya sovetского marksizma na primere filosofii i metodologii istorii vtoroy poloviny XX veka* [Degradation of soviet Marxism through the example of philosophy and methodology of history of the second half of the 20th century]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 1, pp. 29–43. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-1-29-43>

Koryakin, V.V. (2008). *Trud i edinyy zakkonomernyy istoricheskiy protsess* [Labor and a single natural historical process.]. Perm, pt. 2, 340 p.

Koryakin, V.V. (1998). *Zakonomernosti «optimumov» i «maksimumov» v istorii* [Patterns of «optimums» and «maximums» in history]. *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Perm: PSU Publ., iss. 7, pp. 206–210.

Kozlova, M.G., Sedov, L.A. and Tyurin, V.A. (1968). *Tipy ranneklassovykh gosudarstv v Yugo-Vostochnoy Azii* [Types of Early Class States in Southeast Asia]. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv* [Problems of the history of pre-capitalist society]. Moscow: Nauka Publ., book 1, pp. 516–545.

Iz rukopisnogo nasledstva K. Marksa (1958). [From the handwritten heritage of K. Marx].

Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t. [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 12, pp. 709–738.

Lenin, V.I. (1969). *O lozunge Soedinennykh Shtatov Evropy* [On the slogan for a United States of Europe]. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy* [Lenin V.I. Collected works]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 26. pp. 351–355.

Lyublinskaya, A.D. (1968). *Tipologiya rannego feodalizma v Zapadnoy Evrope i problema romano-germanskogo sinteza* [The typology of early feudalism in Western Europe and the problem of Romano-German synthesis]. *Sredniye veka* [Middle Ages]. Iss. 31, pp. 9–17.

Masson, V.M. (1983). *Leninskie idei o neravnomernosti istoricheskogo protsessa i problemy istorii drevnego mira* [Lenin's ideas about the unevenness of the historical process and the problems of the history of the ancient world]. *Metodologicheskie i filosofskie problemy istorii* [Methodological and philosophical problems of history]. Novosibirsk: Nauka Publ., pp. 7–15.

Novosel'tsev, A.P., Pashuto, V.G. and Cherep-nin L.V. (1972). *Puti razvitiya feodalizma* [The development of feudalism]. Moscow: Nauka Publ., 338 p.

Pershits, A.I. and Khazanov, A.M. (eds.) (1978). *Pervobytnaya periferiya klassovykh obschestv do nachala Velikikh geograficheskikh otkrytiy* [The primitive periphery of class societies before the start of the great geographical discoveries]. Moscow: Nauka Publ., 301 p.

Pletnikov, Yu.K., Semenov, Yu.I. and Gri-gor'yan, B.T. et al. (eds.) (1981). *Marksistsko-leninskaya teoriya istoricheskogo protsessa: deystvitelnost', material'naya osnova, pervichnoe i vtorichnoe* [The Marxist-Leninist theory of the historical process: The historical process: reality, material basis, primary and secondary]. Moscow: Nauka Publ., 463 p.

Porshnev, B.F. (1975). *Rol' sotsial'nykh revolyutsiy v smene formatsiy* [The role of social revolutions in the change of formations]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskikh formatsiy* [Problems of socio-economic formations]. Moscow: Nauka Publ., pp. 26–40.

Semenov, Yu.I. (1998). *Marksova teoriya obschestvenno-ekonomicheskikh formatsiy i sovremennost'* [Marx's theory of socio-economic formations and modernity]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society]. No. 3, pp. 190–233.

Semenov, Yu.I. (1978). *Teoriya obschestvenno-ekonomicheskikh formatsiy i vsemirnaya istoriya* [The theory of socio-economic formations and world history]. *Obschestvenno-ekonomicheskie formatsii: problemy teorii* [Socio-economic formations: problems of theory]. Moscow: Mysl' Publ., pp. 55–89.

Udal'tsova, Z.V. (1975). *Problemy tipologii feodalizma v Vizantii* [Problems of the typology of feudalism in Byzantium]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskikh formatsiy* [Problems of socio-economic formations]. Moscow: Nauka Publ., pp. 124–157.

Udal'tsova, Z.V. (1983). *Tipologiya kul'tury kak metodologicheskaya problema (na primere istorii Vizantii)* [Typology of culture as a methodological problem]. *Metodologicheskiye i filosofskiyе problemy istorii* [Methodological and philosophical problems of history]. Novosibirsk: Nauka Publ., pp. 127–151.

Vasil'ev, L.S. (1968). *Sotsial'naya struktura i dinamika drevnekitayskogo obschestva* [The social structure and dynamics of ancient Chinese society]. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv* [Problems of the history of pre-capitalist society]. Moscow: Nauka Publ., book 1, pp. 455–515.

Vil'chek, V. (1993). *Proschanie s Marksom* [Farewell to Marx]. Moscow: Progress–Kul'tura Publ., 224 p.

Zhukov, E.M. (1978). *Metodologicheskie problemy teorii obschestvenno-ekonomicheskikh formatsiy* [Methodological problems of the theory of socio-economic formations]. *Obshchestvenno-ekonomicheskiye formatsii, problemy teorii* [Socio-economic formations, problems of theory]. Moscow: Mysl' Publ., pp. 34–54.

Zhukov, E.M. (1975). *Nekotorye voprosy teorii obschestvenno-ekonomicheskikh formatsiy* [Some questions of the theory of socio-economic formations]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskikh formatsiy* [Problems of socio-economic formations]. Moscow: Nauka Publ., pp. 11–25.

Zhukov, E.M. (1979). *Sotsiologicheskie i istoricheskie zakony* [Sociological and historical laws]. Zhukov E.M., Barg M.A., Chernyak E.B., Pavlov V.I. *Teoreticheskie problemy vsemirno-istoricheskogo protsessa* [Zhukov E.M., Barg M.A., Chernyak E.B., Pavlov V.I. Theoretical problems of the world historical process]. Moscow: Nauka Publ., pp. 11–47.

Received 23.04.2020

Об авторе

Корякин Вячеслав Владимирович
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: vvkorkfnpsu@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0809-3614>

About the author

Vyacheslav V. Koryakin
Ph.D. in Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: vvkorkfnpsu@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0809-3614>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Корякин В.В. Формационный синтез. Возвращаясь к старой проблеме // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 2. С. 203–214. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-203-214

For citation:

Koryakin V.V. [Formation synthesis. Revisiting the old problem]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 2, pp. 203–214 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-203-214